

БОЧКА ВИНА.

Въ шестнадцати такъ называемыхъ привилегированныхъ губерніяхъ, южныхъ и западныхъ, полная свобода куренія и продажи хлѣбнаго вина ограничена была откупами въ однихъ только городахъ. Въ чертѣ города ведро вина стоило нѣсколько цѣлковыхъ, а за чertой - рубль или полтора мѣди. Отъ этого вышелъ обычай охотниковъ до дешеваго вина собираясь по праздникамъ - а иногда и по буднямъ - цѣлыми ватагами и отправляясь на вольную, за городскую черту, гдѣ услужливый еврей шинковаль въ корчмѣ и подносиль всякому посѣтителю, за добрыя гроши, стаканъ дешеваго и забористаго вина, наливки, пива и даже меду. Съ отчаянья, что вино такъ вздорожало въ городѣ, иной уносиль въ кабакъ все, что зарабатывалъ, и пропиваль съ себя послѣднее; болѣе разсудительные копили заработки до субботы или воскресенья, уходили на просторъ и приносили съ собою

съ вольной корчменое вино, въ такомъ видѣ, что ни одинъ досмотрщикъ не могъ къ нимъ привязаться, несмотря на очевидныя доказательства, что посуда въ животѣ и даже въ головѣ веселой братіи налита была корчменымъ виномъ черезъ край....

Откупщики не столько злились на пьющихъ, съ которыхъ взять было нечего, какъ на продающихъ вино: на нихъ-то обращена была вся сила мести; всѣ средства употреблялись, чтобы уличать и ловить ихъ въ корчмствѣ, за которое они иногда сильно приплачивались и страдали: для этого, напримѣръ, подкупали цѣлую толпу мужиковъ, давъ имъ цѣлковый для пропою, съ тѣмъ, чтобы они вышли на вольную, купили тамъ ведро или два вина, расположились, по своему обычаю, въ кружкѣ подъ навѣсомъ корчмы или въ чистомъ полѣ, а, между тѣмъ, какъ поются веселыя и заунывныя пѣсни о прежнемъ казачествѣ и чарка обходить кружокъ, взятая съ собою бутылка, тайкомъ подвѣшенная въ широкихъ шароварахъ

одного изъ посѣтителей, осторожно наливается виномъ. Если продѣлка эта удастся и зоркій корчмаръ не поймаетъ подкупленныхъ мошенниковъ, то ему будетъ худо: на городской заставѣ бутылка съ виномъ найдется, и шинкарь, которому дозволена одна только распивочная продажа, обвиняется въ отпускѣ корчемнаго вина на-сторону, да еще и въ городъ.... за это придется ему поплатиться чуть ли не годовою выручкой.

Но вотъ былъ счастливецъ - истинно благополучный человѣкъ, взысканный не по заслугамъ слѣпою, но въ этомъ случаѣ милостивою судьбою: Хома Чернякъ, приписавшійся въ мѣщане, получилъ въ наслѣдство отъ отца, доброго и работящаго хозяина, нѣсколько десятинъ земли, на самой городской грани; изба его со всѣми ухожами стояла еще на городской землѣ, въ чертѣ города, гдѣ вино стоило четыре или пять цѣлковыхъ ведро; а клуня выходила уже за черту, гдѣ вино было ни почемъ и гдѣ откупщикамъ не было никакой власти! Увѣряли, что

разсчетливый, но хлѣбосольный Хома Чернякъ нарочно и только ради вина выстроилъ клуню эту, гдѣ могъ свободно пировать по праздникамъ съ добрыми людьми, гдѣ праздновалась свадьба каждой изъ дочерей его, по крайней мѣрѣ, недѣлю, - гдѣ выпивались цѣлые бочки вина, въ уваженіе того только, что тутъ нѣть воли откупщику и пирующимъ полное раздолье. Какъ бы то ни было, но я могу васъ увѣрить, что Хома Чернякъ въ этомъ отношеніи сдѣлался предметомъ зависти всѣхъ городскихъ обывателей, которые говоривали, когда только о немъ заходила рѣчь: что ему дѣлается - онъ живеть себѣ паномъ, тотъ же помѣщикъ: дошелъ изъ хаты до клуни своей - да и пей, сколько душѣ угодно, никто не смѣеть слова сказать; досмотрщикъ, пожалуй, тутъ же стоитъ, да только и возьметъ развѣ, что изъ чести поднесутъ стаканчикъ.... и надобно сказать правду, во первыхъ, что Хома Чернякъ всегда, въ радости своей, съ особеннымъ удовольствіемъ подносилъ досмотрщику этотъ стаканъ, - и, во

вторыхъ, что онъ никогда не позволяль себѣ переносить въ черту города, то есть изъ клуни въ хату, ни одной капли вина, не переливъ ея сперва, какъ самъ онъ выражался, въ живую требушинку. Ни одинъ человѣкъ не проѣзжалъ по дорогѣ, пролегавшей мимо хутора Хомы Черняка, не посмотрѣвъ на клуню его, обнесенную вишнякомъ и яблонями, и не сказавъ или не подумавъ со вздохомъ: вотъ человѣку Богъ даль счастье... А если кто проѣзжалъ съ товарищемъ, то уже, конечно, во всю дорогу, до самаго города, у нихъ ни о чёмъ болѣе не было рѣчи, какъ о завѣтной клунѣ Хомы Черняка, оправлявшихся тамъ пирахъ и свадьбахъ и о томъ, что въ клунѣ есть, со стороны вольной черты уѣзда, калиточка, такъ что туда можно среди бѣлага дня не только принести вина, никого не опасаясь, но даже вкатить его пожалуй цѣлую бочку....

Не всѣмъ, однакожь, и не всегда сходило съ рукъ такъ ловко сосѣдство вольной продажи: многіе за это приплачивались дорого, отдавали

послѣдняго вола или корову: стоило только подкупить какого нибудь сговорчиваго бродягу, перескочить ночью черезъ плетень сада или огорода, расположеннаго внутри городской черты или на границѣ съ вольною губерніею, въ откупной, и спрятать тамъ подъ условленнымъ кустомъ штофъ или бутылку вина.... остальное вы дополните сами: на утро являются досмотрщики, объездчики, взявъ съ собою владѣтелей, понятыхъ и мѣстную полицію - и у бѣднаго хозяина, который проспалъ ночь спокойно, ничего не чая, отыскиваютъ въ огородѣ корчменое вино.... это называется подкинуть; но какими средствами бѣднякъ докажеть, что вино подкинуто, что онъ не виновать ни въ чемъ, когдаличное на лицо, отыскано подъ кустомъ въ его саду или даже зарытое въ земль, и когда штофъ обошелъ кругомъ и всякий отвѣдалъ изъ него и, пожавъ плечами, долженъ былъ сознаться, что это вино?

Впослѣствіи, чтобы поднять цѣну на вино въ уѣздахъ, внѣ городской черты, и, стало быть, уменьшить этимъ пьянство,

установлена была, какъ это, я думаю, всякому извѣстно, такъ называемая нормальная цѣна вина, то есть установлено было, чтобы не продавать вина въ расшивку и разливку дешевле, напримѣръ, полутора рублей серебромъ, тогда какъ оно продавалось по тридцати копѣекъ; при оптовой же продажѣ, бочками, такого ограниченія не положено, потому что это бы стѣснило самую поставку вина помѣщиками откупщикамъ.... Но благонамѣренное установление это, какъ можно было предвидѣть, встрѣтило на дѣлѣ нѣкоторыя затрудненія, потому что очень мудрено заставить меня продавать товаръ свой не ниже установленной цѣны, если я захочу сбыть его по цѣнѣ выгодной, какъ для меня, такъ и для покупщика, хотя бы она и была ниже нормальной; а если бы кто вздумалъ добросовѣстно держаться послѣдней, то, конечно, могъ бы выпить вино свое самъ, а покупщика по полтора рубля за ведро не нашелъ бы тамъ, гдѣ можно купить тоже вино по тридцати копѣекъ.

Крестьянинь, привыкшій платить по мѣдному шагу, или грошу за стаканъ вина, приходитъ въ корчму, гдѣ сидить осторожный, напуганный строгостями и вороватый жидъ:

- Почемъ у васъ водка?

- Извѣстно, отвѣчаетъ этотъ: - сами вы знаете, на что спрашиваете - по шесть шаговъ.

- Какъ по шесть? по одному, больше не дамъ, заркусь и пить не стану - пойду въ другую корчму: тамъ по шагу!

- А ну, говорить жидъ, успокоивая его:

- постой, постой: сколько у тебя есть денегъ? сколько хочешь пропить?

- Два шага и за два шага хочу выпить два стакана!

- Ну, стало быть, у тебя недостаетъ еще десяти - изволь, я не такой человѣкъ, я тебѣ вѣрю, для добрыхъ людей я и самъ добрый человѣкъ - на, вотъ тебѣ десять шаговъ, клади сюда свои два, ну, вотъ и будетъ двѣнадцать, чтобы кто нибудь недобрый не сказалъ, будто я продаю вино

дешевле - воть и пей, съ Богомъ, а десять шаговъ за тобой, отдашь на томъ свѣтѣ....

Шутка эта нравится всѣмъ, и у кого только, изъ бывшихъ тутъ мужиковъ, нашелся грошъ, тотъ кладеть его на стойку, жидъ добавляетъ по таксѣ еще своихъ пять, говорить, что вѣритъ въ долгъ деньги, потому что вино въ долгъ отпускать не велѣно, и наливаетъ полный стаканъ, приговаривая: будь здоровъ, на многія лѣта!

Крестьянинъ, по тамошнему казакъ, играеть свадьбу - отдаетъ замужъ дочь. Какже не отпраздновать такой случай, котораго и самъ онъ и все село ожидали двадцать лѣтъ, и можно ли казаку отправить свадьбу, сдавъ молча жениху съ рукъ на руки дочь свою, не созвавъ въ гости все село, не залучивъ скомороховъ, цымбаловъ со скрипицей, не поплясавъ, не попотчивавъ гостей, - словомъ, не отпраздновавъ свадьбы? Вѣстимое дѣло, что нельзя, - и Влась Чертопхаенко, затѣявъ такое праздничное дѣло, которое и на природномъ языкѣ его называется запросто весельемъ, готовился повеселить и

себя и другихъ, какъ слѣдуетъ доброму и православному христіанину.

Власъ Чертопхаенко, именовавшій себя подъ веселый часъ просто казакомъ, а въ степенное время войсковымъ обывателемъ, былъ человѣкъ заможненькій, то есть съ состояніемъ. Это было извѣстно подъ рукой вся кому, по какому-то темному чутью или преданію; но самъ онъ никогда и никому обѣ этомъ не говорилъ, ни даже подъ хмѣльную руку, а потому и прослылъ хитрымъ и скупымъ. Онъ жилъ очень скромно, только что не нуждаясь въ необходимомъ, никакой роскоши не терпѣлъ и животовъ не выказывалъ. Кой-какія торговыя связи и денежныя дѣла завязалъ онъ не по сосѣству гдѣ нибудь, не съ близкими людьми, а ъздила за этимъ повременамъ куда-то на сторону, а наличныя деньги, по всей вѣроятности, зарывалъ гдѣ нибудь въ глекѣ въ землю. Но, при такомъ чрезвычайному случаѣ, какова свадьба дочери, въ обычай Власа было поразвернуться - дескать, знай нашихъ, и

всѣ заговорили напередъ о славномъ празднику, когда услышали, что Власъ просваталъ дочь.

Чертопхаенко быль, кромъ того, человѣкъ немного упрямый, какъ свойственно самостоятельному черниговцу. Гая давно уже поженихалась было съ молодымъ казакомъ Остапомъ, по прозванію Лихочуенко; но Остапъ, какъ бѣдный человѣкъ, быль Власу не по плечу, а потому онъ, покосясь разъ-другой на Галю съ Остапомъ, когда они встрѣтясь или сошедши невзначай передавали другъ другу, повидимому, много важныхъ вѣстей и извѣстій, разогналъ ихъ наконецъ, безъ всякихъ обиняковъ, прикрикнувъ на снявшаго съ головы своей шапку Остапа и объявивъ ему на всю улицу, чтобы онъ тутъ не зелился, а шель бы съ Богомъ своимъ путемъ. «Возьми ты дочь свою - сказалъ онъ женѣ, войдя въ избу, не сказавъ самъ Галѣ ни слова - возьми дочь свою да посади ты ее за работу: хоть бы выткала еще коверъ, что ли. Не слѣдъ ей теперь подъ заборами шататься: не хороша слава

будеть; а Остапу велю я обходить хату нашу: есть и другая улица на селѣ.»

Тѣмъ, на первый случай, дѣло кончилось. Мать пожурила дочь. Галя молчала, отворотясь и повѣсивъ голову, а Остапъ Лихочуенко, крѣпко зажутившись, сталъ поглядывать на Галю жалостнѣе прежняго, да и то только издали. Онъ былъ человѣкъ робкій и противъ воли старика Чортопхаенка итти не смѣль.

Между тѣмъ, пришла осень, пришелъ и Покровъ, которому молятся изподтишка дѣвушки, говоря: «батюшка Покровъ, покрой и меня молоду....» и старосты пошли ходить по селу.

- Жинко! сказалъ Власъ, когда они остались одни въ избѣ, а Галя вышла за дѣломъ: - прибери хату сегодня: можетъ быть, добрые люди будутъ.

Мать поняла слова эти и спросила въ смятѣніи:

- Отъ кого?

- Отъ добрыхъ же людей, отвѣчалъ Власъ: - не бойсь, старуха, я худаго не затѣю: отъ Маклаша.

Стали прибирать хату, а Влась принесъ вина и поставилъ на полицу, и Галя стала что-то оглядываться: и она, по соображенію времени и обстоятельствъ, стала догадываться, къ чему это все идетъ. Но она молчала и, молча, помогала матери, а повременамъ украдкой роняла слезу. «Не плачь, Галя - сказала ей мать, замѣтивъ это - побереги слезы: вотъ какъ придется время, что будетъгодиться плакать, тогда поплачешь.» Въ отвѣтъ на это Галя залилась слезами и вышла въ сѣни.

Пришли двое старость, то есть сватовъ, говорили обычныя и пригодныя рѣчи, о бѣлой горностайкѣ, о порошѣ, о томъ, какъ они слѣдили и выслѣдили ее и какъ слѣдъ пошелъ въ этотъ дворъ и проч. Влась помучилъ ихъ, долго увѣряя, что, видно, они ошиблись, не туда зашли, а потомъ, что надо подумать и посовѣтоваться, но наконецъ поднесъ по стакану, сказаль: «а приведите своего охотника, такъ мы на него посмотримъ.»

Вскорѣ все пошло своимъ порядкомъ. На слезы Гали никто не смотрѣлъ - самое

приличie требовало плача ея, а что она плакала отъ души, это знали немногie, - и Миклашенко, т. е. сынъ Миклаша, былъ заявленный женихъ Гали. Чертопхаенко готовился отпировать веселье, и тутъ-то встрѣтилось важное обстоятельство, до котораго относится вступленіе наше о нормальныхъ цѣнахъ на вино.

«Ведра четыре, а, чего доброго, и пять, надо взять - подумалъ Власъ - да что же я буду за дурень, чтобы мнѣ платить по полтора цѣлковыхъ: это будетъ семь рублей пятьдесятъ копѣекъ; а вѣдь коли я возьму бочку сороковую, то заплачу всего только одиннадцать карбованцевъ! Ну, сбыточное ли это дѣло, чтобы я заплатилъ семь карбованцевъ съ полкарбованцемъ за пять ведеръ, когда я за одиннадцать карбованцевъ могу взять сорокъ ведеръ! Что жь, возьму бочку, - право, возьму; деньги даромъ не брошу; первое дѣло, что выпьемъ мы уже не пять ведеръ, а десять - такъ хоть будуть помнить свадьбу у Власа Чертопхаенка; а другое то, что тридцать ведръ останется задаромъ; добрые люди

разберуть, небойсь, еще спасибо скажутъ: чѣмъ платить имъ по полтора карбованца за ведро, я отдамъ по четвертакчу. Тридцать четвертаковъ - семь карбованцевъ съ половиной, а мой расходъ, за десять ведеръ, и весь-то будетъ три съ полтиной!»

Сказано - сдѣлано. Правда, что обстоятельства были слишкомъ соблазнительны: выпить десять ведеръ вмѣсто пяти, а заплатить за десять вдвое дешевле, чѣмъ за пять! Власъ не разсудиль, сколько бѣды могло изъ этого выйти: еслибъ его поймали въ корчемной продажѣ этого вина, то его бы засадили, засудили - какъ со многими тамъ случалось - и бѣдный Чертопхаенко пропалъ бы и раззорился навсегда. Но онъ видѣль только одно: соблазнительный барышъ, тогда какъ платить по полтора рубля за ведро, послѣ привычки покупать его по тридцати копѣекъ, казалось ему неслыханнымъ дѣломъ. Итакъ, онъ купилъ у пана бочку вина, привезъ ее домой и вкатилъ осторожно въ камору, что по русски - надворная клѣть. «Вотъ будетъ веселье у

меня, такъ будеть; ужь не скажутъ, что поскупился Власъ на дочернину свадьбу....»

Межу тѣмъ, вся молодежь села, зная отношенія Гали и Остапа, стали жалѣть о нихъ отъ души, тѣмъ болѣе, что ихъ обоихъ все любили, чего нельзя было сказать о женихѣ Гали, Миклашенкѣ. Толковали, тужили и порѣшили хоть подразнить старика Власа и Миклашенка разными шутками, а также пѣть на свадьбѣ самыя жалобныя пѣсни, оплакать Галю не шутя, а когда придетъ пора величать отца ея и въ особенности жениха, то прибирать имъ на смѣхъ такія величанія, отъ которыхъ имъ не поздоровилось бы. Эту месть придумали, разумѣется, дѣвки; но надо же было выдумать что нибудь и парнямъ, чтобы не отстать отъ первыхъ. Надобно сказать, что осенняя пора, когда уже убранъ хлѣбъ, отпразновали обжинки, ночи темны, а погода еще довольно хороша въ Малороссіи и парнямъ нѣтъ особенно нужной работы, что осенняя пора эта бываетъ всегда праздничнымъ временемъ для холостежи,

особенно для ребята, и что они въ это время ходять поздно вечеромъ и даже ночью толпами по селу и строять разныя проказы. Итакъ, шутка, которую они согласились съиграть надъ Власомъ Чортопхаенкомъ, въ отместку за бѣднаго Остапа Лихочуенка, приходилась кстати и по этому обычаю.

До десятка ловкихъ и отчаянныхъ ребята собрались ночью, послѣ крика, шума и пѣсенъ на улицахъ, въ небольшой проулокъ, отдѣлявшій дворъ Власа отъ сосѣдняго. На проулокъ этотъ выходила плетневая и обмазанная глиной стѣна власовой каморы, гдѣ стояла роковая бочка съ виномъ, приготовленная къ веселью. Въ нѣсколько минутъ ребята подкопали камору, просверлили бочку буравомъ и принялись цѣдить вино; они приготовили множество разной посуды: кадочекъ, боченковъ, горшковъ, макитръ и глечиковъ, что могли достать, выщѣживали украдкой вино и тотчасъ же относили его по задворью на власово гумно, гдѣ скрыли всю посуду эту въ большой ометь соломы.

Выщѣдивъ все вино и напившись сами вволю, ребята зарыли и засыпали опять подкопъ, притрусиивъ его сверху навозомъ и соломой, такъ что когда еще на зарѣ дождикъ все это смочилъ, то снаружи вовсе не было замѣтно сдѣланнаго подкопа. Ребята разошлись по домамъ въ большомъ удовольствіи, давъ клятву молчать и не выдавать другъ друга.

На другой день, который быль уже канунъ дѣвичника, субботы, Чортопхаенко пошелъ въ камору, чтобы достать штофъ вина для должностныхъ и другаго рода посѣтителей, которые должны были уже въ этотъ день навѣдаться, то чтобы кой въ чемъ условиться и уговориться, то, просто, для поздравленій и пожеланій. Подойдя къ бочкѣ, Власъ ударилъ по ней самодовольно кулакомъ, готовясь услышать этотъ глухой и плотный гуль, который издаеть въ подобномъ случаѣ полная бочка. Но гуль раздался звонко и протяжно, съ какимъ-то колокольнымъ отголоскомъ. Власъ выпрямился вдругъ, подперъ руками въ бока и стоялъ такимъ образомъ, не зная,

что подумать, полагая, что онъ, безъ сомнѣнія, ошибся, ослышался, но долго не смѣль повторить свой опытъ. Наконецъ онъ ловко ударилъ въ бочку носкомъ сапога - и тутъ уже не осталось для него никакого сомнѣнія въ постигшемъ его несчастіи. Всплеснувъ руками, онъ бросился на бочку, встряхнулъ ее взадъ и впередъ и еще разъ убѣдился окончательно, что она была пуста. Тогда только Власъ постигъ всю великость своего бѣдствія и уже открылъ было широкій ротъ свой, съ сѣдыми, нависшими усами, чтобы прочитать: «проби, ратуйте!» но опомнился, задушилъ вырвавшійся неясный стонъ, еще разъ покачнулъ бочку, заглянулъ въ нее, потянулся съ упоеніемъ въ себя запахъ сивухи, которымъ его ошибло, отошелъ опять, постоялъ, покачалъ головою, ударилъ себя руками по бедрамъ, плунулъ и пошелъ, молча, въ избу. Не говоря и тамъ ни слова, онъ легъ, закинувъ руки подъ затылокъ.

- Что жь лежишь, Власъ? сказала озабоченная домашними приготовленіями

хозяйка: - что ты такимъ пластомъ
растянулся?

- Несдужаю, отвѣчаль онъ сухо: - не
могу: голова болить.

- Ой, лиxo мени, сказала Парасковья,
жена его: - вотъ еще какъ ты
разнеможешься теперь, тогда что станемъ
дѣлать? какъ же мы будемъ свадьбу играть?

- Свадьбы не будетъ, отвѣчаль также
сухо Власъ, не пошевеливъ при этомъ
ничего, кромѣ языка.

И мать и дочь даже не смогли ахнуть
отъ изумленія, а оставались открывъ и ротъ
и глаза.

- Что ты, Власъ, спросила наконецъ
Парасковья заботливо, съ очевиднымъ
крайнимъ изумленіемъ: - что ты, Власъ,
неужто напился уже съ утра и въ такой
день?

- Брешешь, отвѣчаль Власъ: - и пить-
то нечего, еслибъ и захотѣль.

- Такъ на что же ты говоришь такую
несенитницу?

- Я говорю тебѣ правду, а ты слушай
да понимай: свадьбы не будетъ.

Параковья и руки опустила. Она не знала, что и отвѣтить; а Галя бросилась целовать отцу руки, заплакавъ навзрыдъ. Онъ же не трогался съ мѣста и молчалъ, не считая нужнымъ пускаться въ какія либо объясненія. Наконецъ Параковья опомнилась, стала спрашивать Власа, не съ ума ли онъ сошелъ, подошла даже къ нему и требовала, чтобы онъ дохнуль, подозрѣвая, не угостилиъ ли Власъ самъ себя спозаранку, хотя по рѣчи и говору его этого и не было замѣтно; но Власъ оттолкнулъ ее, вскочилъ и сказалъ: «какого тутъ чорта станешь пить и какого бѣса свадьба - нѣть вина ни капли, поди въ камору, погляди; нѣть свадьбы, я тебѣ говорю, да и все. Посылай кого хочешь за старостами (сватами), либо сама иди къ нимъ да скажи имъ, что я ихъ - бодай имъ добра не видать - не пущу на дворъ; пусть они сами цалуются съ женихомъ своимъ: не видаль я его, да! Бочку цѣлую купиль - гдѣ она? нѣть ея! Я запру ворота и запру хату - вотъ что - и ногой не пущу.»

Баба попыталась успокоить разгнѣванного хозяина, но еще пуще его разсердила. Она пошла къ сосѣдямъ совѣтоваться. Явились и сваты; но дверь была заперта для нихъ, и Власъ переговаривался съ ними въ открытое окно, не вставая съ мѣста, гдѣ сидѣлъ или лежалъ, посылая ихъ, впрочемъ, къ чорту. Такимъ образомъ, прошли и суббота и воскресенье, и о свадьбѣ рѣчи не было. Родители жениха, считая себя обиженными, разбранились со Власомъ, и дѣло разошлось.

Между тѣмъ, ребята, которые сыграли шутку эту, рассказали обо всемъ Остапу Лихочуенку, хвалясь удальствомъ своимъ, отъ котораго, впрочемъ, и не ожидали такого коренного успѣха, а думали только временно досадить Чортопхаенку и поставить его въ затрудненіе. Остапъ, будучи крѣпко не въ духѣ, не сталъ было и слушать ихъ, по крайней мѣрѣ, молчаль и нисколько не радовался тому, что ихъ тѣшило; но когда онъ, едва довѣряя ушамъ и глазамъ своимъ, убѣдился, что черезъ эту

копость свадьба не состоялась, что затѣмъ Власъ разбранился гласно съ женихомъ и даже его родными, то Лихочуенко невольно улыбнулся. Власъ кричалъ и жаловался начальству, требуя, чтобы отыскали воровъ, и не подозрѣвая, что вино стоитъ у него же на гумнѣ; шалуны, покуда еще не обнаруженные, но сильно подозрѣваемые, начинали побаиваться, не зная, какъ бы теперь путемъ кончить шутку свою и развязаться съ нею, а Власъ кричалъ, что онъ не успокоится, покуда не отыщется вино.

Подумавъ немного, Остапъ пошелъ въ поле, будто за своимъ дѣломъ, подстерегъ напередъ Власа, который отправился туда же. Подойдя и пожелавъ Бога на помочь и снявъ при этомъ случаѣ шапку, Остапъ такъ былъ занятъ своимъ дѣломъ, что и не обратилъ вниманія на суровую встрѣчу со стороны разобиженного Власа, а почесавшись продолжительно съ разныхъ концовъ, сказалъ:

- А что, дядюшка Власъ Терентьевичъ, кабы вы были ко мнѣ, бѣдному парню,

милостивы, можетъ статься, я бы вамъ и пригодился, я бы постарался отслужить вамъ службу.... Чертопхаенко пожаль плечами, но молчалъ. Остапъ сталъ посмѣлѣ и продолжалъ: - я бы вамъ, можетъ статься, постарался бы отъискать вино ваше....

Власъ остановился, глаза его загорѣлись, онъ уставилъ ихъ на Остапа и сказалъ:

- Такъ это ты, подлая душа, пустился на такое дѣло?

- Не я, дядюшка, продолжалъ тотъ: - ей-Богу, не я, не обижайте меня, Власъ Терентьевичъ, моего пальца тутъ не было, а мнѣ бы хотѣлось услужить вамъ, черезъ другихъ людей постараться, только не я, - я и знать не знаю....

Власъ понялъ, около чего дѣло вертится, то есть, что Остапу извѣстно все и что онъ готовъ обнаружить виновныхъ или, настраивъ ихъ, заставить возвратить покражу.

- Остапъ! началъ стариkъ, почти со слезами на глазахъ: - я-таки всегда и

считаль тебя парнемъ смирнымъ, хорошимъ; не дай же ты сорванцамъ поглумиться надъ моей сѣдой головой, смотри, вѣдь я сталъ посмѣшищемъ всего села; выручи меня, и я тебя не забуду!

Остапъ, который все еще стоялъ передъ Власомъ въ почтительномъ положеніи, съ шапкою въ рукахъ, поклонился ему низенько и не обинуясь сказалъ: «Дядюшка, да отдайте же за меня Галю....»

Теперь очередь чесаться дошла до Чортопхаенко. Не слушая дальнѣйшихъ, отрывочныхъ убѣжденій Лихочуенко, онъ перебиралъ въ душѣ своей, что Миклашъ ему теперь не зять; а странное, противное вся кому обычаю разстройство свадьбы положило на него самого и на дочь нехорошую огласку. Онъ вспомнилъ такъ же, какъ Гая обрадовалась, когда услышала, что свадьбы не бывать, и какъ она съ той поры повеселѣла и весь день ходить по хозяйству съ пѣснями; припомнилъ онъ также, съ какимъ ожесточенiemъ отецъ жениха и даже мать и

тетка ея бралились съ нимъ, со Власомъ то есть, какъ они проклинали его на всю улицу, не жалѣя горла, а къ тому пришло ему невольно въ голову, что съ такими родными впослѣдствіи мудрено будетъ уживаться: они будутъ вмѣшиваться во все, требовать несообразнаго, попрекать достаткомъ своимъ; а отношенія къ Остапу были бы совсѣмъ иныя: и самъ онъ, и всѣ родные его, какъ люди незажиточные, не стали бы зазнаваться, а, безъ сомнѣнія, были бы всегда въ полной зависимости и повиновеніи у Власа.... Наконецъ представилась ему и мысль, что вино будетъ возвращено, убытокъ вознаградится и смѣхамъ этимъ, которые крѣпко досаждали старику, будетъ конецъ....

- А сполна ли ты воротишь вино? спросилъ онъ вдругъ, не подумавъ о неумѣстности этого вопроса, какъ отвѣта на сватовство Остапа, и получивъ клятвенное обѣщаніе удивленного жениха возвратить все до капли, а также, вслѣдъ затѣмъ, обѣщаніе его не выходить изъ повиновенія отцовскаго, жить до времени нераздѣльно и

во всемъ его слушаться, Власъ сказалъ:
«Ну, съ Богомъ, присылай старость.»

Лихочуенко поклонился ему въ ноги и пустился бѣгомъ на село. Ребята были рады-радешеньки, что пришлось имъ такъ дешево отдѣлаться за шалость свою, и въ тотъ же вечеръ вино было тайкомъ все перенесено на дворъ Власа, вылито въ бочку и пополнено складчиной, потому что около ведра было выпито и пролито во время самой проказы.

Съ трудомъ только Остапъ нашелъ себѣ пару старость, для приличнаго сватовства, потому что никто не вѣрилъ нечаянному счастью его и не хотѣлъ итти къ Чортопхаенку за гарбузомъ. Но все кончилось благополучно, на удивленіе цѣлаго села, и Гая вышла за Остапа. Потчужа гостей на свадьбѣ, Чертопхаенко безпрестанно повторялъ: «Пейте, люди добрые, спасибо вамъ, не жалѣйте этого добра, изводите все до тла, чтобы ему и слѣду не было и помину не стало, лихо ему, чтобы въ другой разъ изъ-за него нессориться!»